

Гады

Рассказ

БАБУШКА У МЕНЯ была вполне типичная. Скажу уважительнее — классическая. Жухлый клубок на макушке. Цветочный халат. Поясница, перевязанная волосатым платком. Гусиная поступь. Вспухшие вены на икрах. Еда, заправленная «вонючим» маслом. Коллекционирование целлофановых пакетов из-под молока и прошлогодних календарей с неизменной мулаткой на фоне ядовито-бирюзовых лагун. Походы в храм с намерением вернуться к началу девятнадцатой серии «Ангела в законе».

Дед был другой. Дед был в джинсах и кроссовках.

До последних дней он работал на полной ставке в «Пульсе недели» — главном печатном органе города.

Филологическое образование деда оборвалось на шести классах сельской школы.

Его считали многообещающим учеником. С малых лет он упивался литературой — Дюма, Гюго, Лондон, русская классика...

В 41-м году, будучи четырнадцатилетним подростком, дед сел в трактор и вплоть до побе-

ды оставался главным кормильцем семьи. По ночам продолжал читать.

Однажды немцы-оккупанты, вошедшие в село, послали его на колодец, пригрозив ружьём. Дед побежал. Он не забыл тайком наплевать и даже немного помочиться в ведро, но потом всю жизнь не мог себе простить, что послужил фашистам.

— Часто мне это снится, — признавался дед. — И я каждый раз говорю им: «Вот вам, гады, а не *вассер*», — и швыряю ведро самому жирному в морду. В меня стреляют, и я просыпаюсь.

После войны его ждала долгая армейская служба, затем завод, женитьба. Наконец, газета.

У деда был твёрдый, лаконичный газетный слог. Он обладал чувством заголовка. Никогда не раздувал заметку до размеров полосы, не опускался до нравоучения, не объяснялся в любви городской администрации, не называл наш город уникальным, хотя всё это приветствовалось. Вкус у деда был природный.

Мне всегда казалось, что дед отвёл себе слишком скромное место в жизни. Что он родился для большего. Я знаю, до 41-го года он и сам имел яркие планы на будущее. Хотел многое повидать, попробовать, испытать, а потом

поведать об этом людям. Но жизнь, в которой обязанности так рано возобладали над желаниями, сильно изменила его. Дед уже не мог представить, как это так: отдать свою судьбу в распоряжение дерзкой мечте. И мечта засохла. Её недоразвитым плодом стало трудоустройство в «Пульсе». Отдалённая память о ней сквозила в упрямом презрении деда к старости: в его бодрой выправке, джинсах, кроссовках, рюкзаке за плечом и маленьком цифровом фотоаппарате на шее.

Иногда я целыми неделями жил у стариков, и дед брал меня на свои задания. Интервью с автослесарем, занявшим третье место на столичном конкурсе «С «КАМАЗОМ» на ты». Детское поучительное мероприятие «Премудрый светофор». Снятие покрывала с диковинной машины «Эчүто», экологически чисто удалявшей твёрдые отходы. И многое, многое другое. Город не переставал жить ни на минуту. Дед терпеливо вёл его летопись.

— Завтра пойдём на гадов смотреть, — сказал дед однажды вечером, вернувшись из «Пульса». — Гадов к нам привезли.

— Каких гадов?

— Змеюки, ящурки, — спокойно объяснил дед, стаскивая с себя свитер и оставаясь в красивой клетчатой рубашке. Я тут же помечтал когда-нибудь иметь такую же.

Кто-то в детстве желает походить на своего отца, кто-то ориентируется на любимого киногероя. Я хотел быть похожим только на деда.

— Пойдёшь, бабушка, с нами в серпентариум? — спросил дед. — Пойдёшь аспидов руками счупать? Холод-одные аспиды! А?

Мы подмигнули друг другу. Ответ был известен заранее.

— Не приставай, дурень. Делать больше нечего. Лучше бы Богу свечку поставил, чем на старость лет на гадук на этих глазеть.

— Я, бабушка, хочу помереть в кроссовках, — ответил дед.

Будучи второклашкой, я понял эти слова по-своему: мол, дедушка просто очень любит свои кроссовки. Это казалось вполне логичным, мне они тоже нравились.

На следующий день мы отправились глазеть на гадук в городской выставочный центр. Гардеробщица Фая — бабушка столь же классическая, как и моя, только с особой, музейной чёрточкой — забросала нас ненужными новостями, наконец вручила мне прилипшую к фантику карамельку, и мы с дедом вошли в зал №1, совершенно пустой.

Гадов тут не было. Тут висели картины дедушкиного знакомого. На открытии его персональной выставки под названием «Осенний ренессанс» мы присутствовали несколько дней назад. О выставке я скажу несколько отдельных слов.

«Осенний ренессанс» представлял собой десятка три однотипных пейзажей, набросанных на полотно с раскидистой небрежностью, что свойственно большинству работ, предназначенных для продажи за небольшие деньги.

Неожиданными были названия. «Уголок души». «Приют мечтателя». «На крыльях арфы». «Небесное скерцо». Собственно «Осенний ренессанс».

Народу собралось относительно много. Виножник в косой беретке и шейном платке бродил по залу с небесной рассеянностью, как бы имея в виду: «Друзья мои, что вы, не стоит. Я тут совершенно ни при чём. Это всё *оттуда*. Я лишь безвольный проводник».

Местный литератор — местный настолько, что издал за собственный счёт толстенную книгу пародий на местных же литераторов — встал посреди фуршета, подбоченился, отставил ногу и зачитал с листа поэтический вердикт выставке. Я запомнил последнее четверостишие:

...Но самый лучший из подарков —
Весёлых красок консонанс.
Живи! Твори! товарищ Марков!
Даёшь «осенний ренессанс»!

Я кушал заветренный колбасный кругляш, нанизанный на зубочистку, и моё семилетнее сердце, ещё такое неопытное, уже томилось тоской и необъяснимой жалостью ко всем собравшимся людям, кроме, разумеется, деда.

Несколько лет спустя я прочитал высказывание Юлия Цезаря: «Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме». Я вспомнил эту выставку и подумал: «Неужели быть вторым в Риме настолько ужасно?».

Дед, слава Богу, не пребывал ни в провинции, ни в Риме. Дед оставался в джинсах и кроссовках.

Он отозвался на выставку аккуратной статьёй под заголовком «Марков держит марку». Что означало: пишет не лучше, но и не хуже, чем писал раньше.

Сегодня в «Осенний ренессанс» нахально вмешивался солёный запах. Так пахли гады, которых разместили во втором и третьем залах экспоцентра. В этих залах, как и в первом, не

было ни одного посетителя. По ним расхаживал в деловитом одиночестве хозяин гадов — плешивый человек с усиками. В руке его блестел длинный пинцет. Дед представился хозяину, завязалось интервью. Я пошёл разглядывать гадов.

Меня удивила их вялость. Удавы и питоны лежали, как псы на ковриках: скрутившись кольцами и подложив под головы кончики хвостов. Игуана распласталась на ветке, безвольно свесив с неё лапы. Две безногие ящерицы, желтопузики, валялись на боку под лампой аквариума, похожие на загорающих старичков. Завершала экспозицию замшелая жаба а́га. Она сидела в позе сфинкса, не мигая и, казалось, не дыша.

Тихо, но непрерывно гудело электричество, кругом царил солёный запах гадов. Мне стало тоскливо. От нечего делать я направился к единственному в зале окошку. На подоконнике стояла большая стеклянная банка, в ней копошилось с полсотни хомячков. Они непрерывно водили лапками от ушей к носу, будто умывались. Рядом располагался контейнер с морскими свинками. Они делали то же самое — деловитые и потешные.

— ...Так что это прекрасные и милые существа, — уверял дедушку хозяин гадов, вводя его в зал. Затем, посмотрев на часы, добавил тише. — Но — есть изнанка. Сейчас у них начнётся обед. Если вопросов больше нет, то давайте раскланяемся. Неприятное зрелище.

Дед изъявил желание взглянуть. Мне он посоветовал подождать его в «Осеннем ренессансе». Но я захотел остаться рядом с ним.

— Смотри, — сказал дед.

Хозяин тоненько вздохнул, подняв и опустив плечи, затем запустил пинцет в банку с хомячками и наугад ухватил одного. Рука с тельцем на кончике пинцета задержалась над аквариумом.

— А́га из них из всех наиболее демократична, — сказал хозяин и, просунув руку внутрь, установил зверька перед исполинской жабой. — Вот. Смотрите.

Хомячок принялся было за умывание и вдруг исчез. Жаба снова сидела в позе сфинкса. Только в зобу у неё что-то шевельнулось.

— А вот с этой змейкой тяжело, — пожаловался хозяин, неся к следующему аквариуму нового хомячка в пинцете. — Она уже совсем старая и почти слепая. А вид очень редкий и дорогой. Причём ведь иной раз попадётся такой бойкий товарищ, — кивнул он на хомяч-

ка, — что за себя постоит. И поцарапает, и зубами вцепится. Видите, у неё даже рубчики на спине?

— И что вы с таким товарищем делаете? — поинтересовался дед.

— Что, что, — снова вздохнул хозяин, — другим скармливаю. Не давать же ему вольную? Всё равно для этого их держу.

Хомячок сидел около редкого вида и как ни в чём не бывало чесал голову лапками. Змея подползла к нему почти вплотную, сделала выпад и, промахнувшись, стукнулась головой о стенку аквариума. Хомячок немного отбежал и спокойно продолжил чесаться. Хозяин взял его пинцетом и поставил поближе к змее. Второй выпад был более результативным: хомячок попал в удушающее кольцо, и змея смогла натянуть на него свой рот — как вдруг вытянулась и замерла кверху пузом.

— Н-да. Совсем старушка. Придётся вытаскивать, — озабоченно констатировал хозяин и действительно вытянул зверька пинцетом из пасти змеи, ухватив его за лапку.

Мокрый, со слипшимися глазами и надорванным ухом, зверёк невозмутимо продолжил умываться рядом со змейй, которая никак не могла придти в себя.

— Всё. Не вышло, — грустно попытожил хозяин и вытащил хомячка из аквариума. — Теперь она должна отдохнуть. Ох. С этой змейй — одни нервы... А тебя, бедолага, мы больше мучить не будем, — сообщил он хомячку и перенёс его в аквариум к жабке.

Жаба работала без промаха.

— Пойдём, — сказал дед. — Счастливо оставаться.

— До свиданья, — сказал хозяин, уже отпуская морскую свинку во владения тигрового питона.

Проходя через зал №1, мы снова на минуту оказались среди полотен Маркова. Дед остановился у одной из картин и, почти не глядя на неё, произнёс:

— Вот такая она, сынок, наша матушка природа...

Тётя Фая долго не выпускала нас на свежий воздух. Ей не хватало человеческого общения.

Дед говорил, что предпочёл бы умереть в обуви. Но эта участь суждена была бабушке. Однажды ей сделалось худо посреди всенощной. Через час врачи констатировали смерть.

А вскоре умирал дед — без кроссовок, болезненно и долго.

Я часами сидел у его постели и держал его руку, хоть родители и пытались держать меня подальше от него. На стуле в дальнем углу комнаты, уходя в тень, лежали его джинсы и красивая рубашка. На спинке висел рюкзак и фотоаппарат на шнурке.

Я глядел на жёлтый лоб, на мокрые всклокоченные волосы, на щетину, которая торжествовала на щеках умирающего, как сорная трава на оставленной человеком земле.

Оказывается, все эти годы я был убеждён, что дед — мой лучший друг и любимый герой — бессмертен. Но вот и его молчаливым бесчувственным кольцом сжала смерть.

Когда рыдания сводили мне горло, я отпустил дедову руку, уходил в другую комнату, сидел в темноте и, раскачиваясь, шептал сквозь стиснутые зубы:

— Я отомщу вам, гады! Я вам ещё отомщу! Вы ни за что нас не победите!